

ИЗМАЙЛОВА БЛИО

Задовищина

РАЗВОДА

РАСТОРЖИТЬ ДЁД

Полина Измайлова
Элен Блио
Годовщина развода.
Растопить лёд

<https://litres.ru/73979753>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Снежана

Бывший муж звонит в годовщину развода. В первый день рождения сына, которого он так просил.

Только вот ни сын, ни я, ни средняя дочь оказались ему не нужны.

Он изменил мне с тренером нашей дочери Василисы.

Я подала на развод, а потом узнала о том, что жду сына.

Муж хотел вернуться, только вот я предателей не прощаю.

Он увез дочь в столицу, где она продолжила заниматься фигурным катанием в известном тренерском штабе.

Прошел год после нашего развода.

Год исполнился моему сыну, и вот бывший снова тревожит меня.

— У нас ЧП.

— Неужели? А у нас день рождения Игоря, представляешь? Ему год! Твоему сыну, которого ты так хотел! И мы вас ждали, между прочим, а вы

— Васи́лиса в больнице, в тяжелом состоянии, ты можешь приехать?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	53
Глава 8	61
Глава 9	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Полина Измайлова, Элен Блио Годовщина развода. Растопить лёд

Глава 1

— Мамуль, а если это?

— Это тоже очень красивое!

— Мам, ты не помогаешь! Я хочу, чтобы было просто «вау», чтобы запомнилось!

— Оно запомнится, пусён, правда!

— Я хочу быть красивой для нашего Игорька! Он потом посмотрит фоточки, когда подрастет, и ему будет приятно, да?

— Да!

Улыбаюсь моей шестилетней красотке Лерочке, продолжая готовить бутылку со смесью, которую надо взять с собой в кафе.

Да, Игоряше исполняется годик, он точно ничего не поймет и не запомнит. Зато пойдем и запомним мы, правда?

Когда я предложила Лере отметить день рождения ее бра-

та в ее любимом кафе, она прыгала до потолка.

— Да, мамуля, да, да! И шарики будут? А я могу позвать своих друзей?

Я подумала, почему бы и нет? Сыночку всего год, своих друзей у него пока нет.

Нет, есть малышка Стася, с которой мы гуляем с колясками, и с которой они уже успели немного подружиться. Стася уже вовсю бегают, хотя младше на две недели, Игорёк тоже начал ходить, но еще не так бойко.

Мой любимый годовас!

Мы заказали кафе, шарики и даже торт!

Ну, а как без торта? На самом деле деткам в годик многое можно, и моя знакомая кондитер сказала, что приготовит такое лакомство, которое малышам можно будет съесть.

Надеюсь и моему сынишке, и его подружке понравится торт с героями мультиков?

— Мам! А может, фэмели лук? Помнишь, у тебя был костюм цвета фуксии? И вот это моё платье, подходит же? Подходит?

— Подходит, моя красота. То есть мне переодеться? А может, ты наденешь вот то, сливочное? И мой этот костюм? Тоже фэмели лук?

— Ма-ам! Ну фуксия круче!

Ох, фуксию надо гладить. Так мы можем опоздать. Еще надо успеть разбудить и покормить чем-то дома Игоря. Нет, в кафе он тоже, конечно, поест, но если не поест дома —

будет скандалить.

— Сливочный наряднее, пусён, и у меня нет времени гладить.

— Эх... жа-алко. А хочешь, я сама поглажу?

— Нет, не нужно...

Смотрю на ее скорбное личико, бровки домиком, глазки широко распахнуты.

Очень на меня похожа.

И на сестру.

На Василису...

Мужа периодически подкалывали, мол, ты здесь не участвовал. Сначала меня это забавляло. Потом стало раздражать.

Когда свекровь прицепилась ко мне, заставляя сделать анализ ДНК, я с чистой совестью прекратила с ней общаться. Помощи от нее никакой, а стресс постоянный.

Нафиг с пляжа, как говорит моя подруга Женя.

— Мамулечка, красотулечка...

— Хорошо, фуксия, так фуксия. Но ты уверена?

Лера крутится перед зеркалом.

— Да! Это самое крутое. Имба!

— Лера!

Откуда у нее эти современные словечки, я знаю, в садике ей нравится мальчик, Ярослав, у Ярослава старший брат учился вместе с нашей Василисой, вот оттуда это всё и идет.

Ладно, имба, так имба!

Достаю костюм цвета фуксии, он на самом деле эффект-

ный, да и гладится легко.

Пока Игорёк спит...

Мой малыш. Мой будущий защитник. Моя радость!

Уже год! Первый год жизни позади.

Кажется, только вчера я увидела это сморщенное, кричащее чудо.

Только вчера я увидела две полоски...

Черт... Об этом тоже приходится вспоминать.

И, как назло, оживает телефон.

Отец именинника звонит. Отец всех моих детей.

Мой бывший муж.

Неужели вспомнил? Решил поздравить сына?

— Мам, кто там?

Телефон на беззвучном, но с вибрацией. Лерка всё слышит.

— Это папа, да?

Папа.

Папа — это тот, который не бросает. Но это сейчас, наверное, уже не важно.

— Слушаю.

Отвечаю, чувствуя, как с волной воспоминаний накатывает омерзительная волна тошноты.

Опять.

Мне казалось, уже прошло.

Видимо, слишком мало еще времени. Всего год...

Я летела почти на крыльях любви — сама смеялась над со-

бой, думая об этом выражении. Какая любовь? Пятнадцать лет вместе! Если слушать психологов, то уже пять раз любовь должна пройти, если живет она три года!

Наша жила. И будет жить вечно — я была в этом уверена. Потому что невозможно было не любить Артёма.

Он не был идеальным, нет. Он был таким, какой нужен мне. Он был моим.

Красивым для меня, ну, и для других тоже. Высокий, смуглый брюнет, модная стрижка, борода, начинающие сесть виски — это придавало ему еще больше шарма. Широкоплечий, подтянутый, ни грамма жира — мышцы, пресс, бицепсы. Сильный, выносливый... Да, да и через пятнадцать лет мы могли иногда любить друг друга ночь напролет... Ох, думала об этом, и в животе пружинка сжималась. Как же я его любила!

И он меня тоже любил.

Я это знала.

Видела, как затуманиваются его глаза, видела это хищную полуулыбку.

И самое главное... слова...

— Люблю тебя, моя Белоснежка, родишь мне сына?

Разговор о третьем ребенке Артём начал для меня неожиданно. Мы в принципе хотели третьего, но потом... Сначала Лерка много болела, потом у Василисы начались серьезные тренировки, уходило много сил и времени на это, плюс работа, строительство дома. Куда?

Это вечный вопрос многих пар.

Вроде бы хочется еще малыша, но бытовые проблемы, работа, дети — мало кто в итоге решается. Особенно если старшие уже не совсем малыши.

Мы были в браке пятнадцать лет. Еще довольно молодые, успешные, состоявшиеся.

Я понимала, что моя карьера, которую я только-только выстроила — рухнет как карточный домик, или башенка из кубиков, которую так любят строить малыши.

Но услышать от любимого мужчины — я хочу от тебя сына...

Это на самом деле было то, что давало мне крылья.

Как же я была счастлива!

На самом деле я уже и начальницу предупредила, что, возможно, уйду в декрет.

— Ой, Снежанка, счастливая ты! Рожай, конечно, пока рожается! Кстати, можешь матери своей оформить отпуск по уходу, а сама на работу, а?

— Я подумаю.

Я улыбнулась, но думала на самом деле о другом.

О том, что малышу нужна мама, а маме — малыш. И что вот эти вот месяцы, недели, дни — самые важные в жизни обоих.

Я хотела видеть, как будет расти мой сынишка.

А он должен был видеть мамочку, купаться в любви.

В конце концов, мой муж — серьезный бизнесмен и может

нас обеспечить.

Я могла бы вообще не работать, просто не хотелось становиться домашней клушей. Хотя Артём уверял, что я бы никогда такой не стала.

В тот день я еще не знала о том, что беременна.

Я только что закончила удачные переговоры, мне повезло — клиенты перенесли их, мне не пришлось тащиться к ним за город, договорились встретиться у нас, в центре города. Мы не Москва, конечно, но тоже пробки, расстояния. А тут всё удачно сложилось, и я понимала, что успеваю за Василисой на каток.

Я знала, что Артём тоже может быть там, но звонить и предупреждать не стала.

Сюрприз!

Это мы любили. Я любила.

Забегала в любимую Васькину кондитерскую, там были пирожные ПП — для правильного питания, их рекомендовала новый тренер Аделина.

Наша старшая дочь занималась фигурным катанием с четырех лет. Я сама всегда очень болела фигуркой, в детстве тоже начинала кататься, а Артём — бывший хоккеист, играл даже за молодежную сборную. Мы как-то сразу решили — коньки. Везли вместе и по очереди, моя мама помогала, даже свекровь иногда.

В последнее время всё чаще отвозил и забирал Василису водитель. Или Артём. Ему было удобно после работы.

Я знала, что муж там.

Ему тоже купила пирожное — любимую картошку.

Припарковалась с трудом, у ледового дворца вечно проблема, большую парковку рядом никак не откроют, есть еще одна — но там только по пропускам, который дается один на семью, и его, естественно, забрал муж.

Стучала каблучками, спешила, чуть не поскальзываясь на внезапном апрельском льду.

Проскочила турникет, вышла к катку.

Детей на тренировке было прилично, но Василису я не заметила.

Вероятно, у нее уже закончилась подкатка, и она собиралась.

Я решила подняться на второй этаж, в тренерскую.

Аделина передавала, что, возможно, в мае нужно будет поехать в Москву, как раз на показ. Это я и хотела обсудить.

Подошла к тренерской, только занесла руку, чтобы постучать, как услышала смехок и характерные звуки.

— Да, боже... ох... м-м-м... еще, пожалуйста...

Покраснела дико, понимая, что за этой дверью тренер сейчас не просто с кем-то мило болтает, подхихикивая.

Она там... она с мужчиной! В ледовом дворце, в котором полно детей!

Не то чтобы я была ханжа, но...

В следующую секунду моя рука замерла.

И сердце замерло.

Я вся застыла.

Заледенела, словно по мне проехала та машина, которой заливают лед.

Потому что Аделина была там не просто с мужчиной.

Она была там с моим мужем!

Я четко услышала голос Артёма.

Этот его низкий, бархатный тембр. Такой... знакомый и такой родной.

Не задумываясь я дернула дверь, которая поддалась — замок был совсем хлипкий.

Мой любимый муж сжимал в объятиях молоденькую тренершу нашей дочери. Она сидела на столе, он почти навалился сверху, ее юбка была задрана, кофточка расстегнута, грудь обнажена.

И рука, смуглая рука моего мужа, лежала на этой груди.

Я умерла в тот момент.

Умерло всё светлое, счастливое, хорошее, что было до...

— Снежка...

Артём смотрел на меня, и я видела в его глазах потрясение.

Потрясение оттого, что я застукала их.

А я реально была потрясена, потому что буквально накануне мы с ним занимались любовью, и он говорил, что надеется — всё получится и у нас будет малыш.

Он просил у меня ребенка, а сам...

— Снежана...

Я развернулась и пошла... сначала спокойно, потом быстрее, быстрее... сердце колотилось как бешеное, дышать не могла, на лестнице меня остановили, я не сразу поняла кто.

— Мама? Ты?

— Что? — передо мной стояла моя дочь, Василиса, в спортивной форме, смотрела так странно.

— Ты видела их, да?

Она сказала это так спокойно!

У меня в голове мгновенно щелкнуло. Дочь в курсе? Она знает? Значит, это не в первый раз? Это не дикая, нелепая случайность? Они... они давно это делают?

Пакет с правильными вкусняшками выпал из моих рук.

— Мам, ну ты должна понять. Аделина, она же... она невероятная! А ты...

А я обыкновенная дура, которой наставляли рога.

Я тогда просто прошла мимо дочери. У меня не было сил что-то ответить.

Не было сил ни на что.

Это был самый худший день в моей жизни.

День, когда я умерла.

Когда умерла та часть меня, которая была способна любить.

Я всё-таки родила ему сына.

Вот только сын от меня был уже не нужен.

А теперь он звонит.

В день рождения нашего сына.

В годовщину развода.

Потому что в роддом я поехала сразу из здания суда.

Получила свидетельство о разводе, и у меня отошли воды.

Мой Игорь родился семимесячным, но всё равно крепким

и сильным.

А теперь бывший звонит, чтобы что?

Поздравить меня? Поздравить сына?

Спросить, как мы прожили этот год без него? Без них?

Муж уехал вместе со старшей дочерью.

Интересно, Василиса захочет поздравить брата, которого ни разу не видела?

— Слушаю, Артём.

— Снежан, у нас ЧП.

— Неужели? А у нас день рождения Игоря, представляешь? Ему год! Твоему сыну, которого ты так хотел! И мы вас ждали, между прочим, а вы...

— Василиса в больнице, в тяжелом состоянии, ты можешь приехать?

Глава 2

В больнице, в тяжелом состоянии, моя старшая дочь!
Господи...

Я смотрю на Леру, которая хлопает глазами.
У нас праздник. У нас день рождения Игоря.
Первый день рождения.
Ему год!

И пусть он ничего не запомнит, но... это важно!
Важно для него, для меня, для Леры, для нас...

Это то, что помогает сохранить некий островок стабильности.

Иначе...

Иначе я давно уже просто съехала бы с катушек.
Еще тогда, тогда, когда узнала.
Это был шок.

Помню, как ехала домой просто на автомате, слезы текли по щекам ручьем. Чуть не пропустила светофор красный.

Нажала на тормоз в последний момент.

Машина ГАИ подъехала сзади, мигалками засверкала, и в мегафон потребовали остановиться.

Я встала, дрожащими руками доставая документы.

Подошел мужчина средних лет, чуть постарше меня, наверное.

— Нарушаем? Что вы так, неаккуратно?

— Простите, я... я нечаянно.

— Ясно, что-то случилось? — Это он увидел мои глаза как у панды. Поплывшую тушь.

— Да... муж... изменил... — Губы у меня дрожали, и голос дрожал.

Инспектор нахмурился.

— Вам бы, конечно, не надо за руль, в таком состоянии...

— Я... я аккуратно, мне осталось тут... метров пятьсот.

— Давайте-ка мы вас сопроводим. Езжайте потихоньку, аварийку включите.

Я не ожидала, что он вот так проникнется.

Подъехала к дому. Они посигналили фарами и уехали.

А я осталась.

Сидела в машине совсем без сил.

Слезы текли.

Артём... как? КАК? За что? Почему?

Потому что я старая?

Но он ведь сам говорил, что я шикарно выгляжу? И я... я тоже это вижу! Мне всего тридцать пять! У меня нет никаких морщин, фигура отличная.

А ребенок? Зачем он тогда просил родить ему сына, если сам...

Не знаю, сколько я вот так просидела.

Смотрела отупевшим взглядом вперед.

Телефон вибрировал бесконечно.

«Любимый». «Любимый». «Любимый».

Звонки, сообщения, снова звонки.

Параллельно звонки от дочери. От Василисы.

И мой шок, когда я вспоминала ее взгляд и ее слова...

«Аделина невероятная, а ты...»

А я...

Я мне надо было забрать Лерку из садика. Я совсем забыла.

Вышла из машины. Закрыла.

Пошла в сад пешком.

Он у нас прямо во дворе дома. Элитный жилой комплекс, элитный детский сад.

Интересно, при разводе Артём оставит нам с девочками квартиру?

Его мать будет в шоке, наверняка надавит на жалость, вспомнит, что у ее младшенького нет жилья...

Развод.

Я всерьез думала о разводе, потому что для меня подобное было неприемлемо.

Предательство.

Подлость.

Я не то чтобы не умела прощать.

Я даже не знала, как можно простить такое.

Он ведь не просто трогал другую женщину... он с ней... он ее целовал! Он наверняка о ней думал! Он...

Он меня как женщину уничтожил этим.

Я шла по улице, а у меня в груди была огромная дыра

размером с галактику.

И пустота.

Всё хорошее куда-то исчезло. Выветрилось.

Остался вакуум.

И тишина.

Лера в садике налетела на меня, а потом ротик закрыла ручкой.

— Ой, мамулик, что с тобой? У тебя головка бо-бо?...

Я и забыла, что я панда.

Воспитательница Настя, с которой мы приятельствовали, принесла влажные салфетки.

— Что-то случилось, Снеж?

Я покачала головой.

Не было сил объяснять.

Ни на что не было сил.

Дома машинально помогла Лере раздеться. Включила ей мультик.

— Мам, я кушать хочу!

Разогрела котлеты и макароны, оставшиеся со вчерашнего ужина.

Сама пошла в ванную...

Умылась, потом села на пол...

Вода лилась в раковину.

Слезы лились из моих глаз.

Я вспоминала наше прошлое. Встречу. Любовь. Как он носил меня на руках. Как смотрел.

Какие слова говорил все эти годы.

Пятнадцать лет...

В дверь ванной постучали.

— Снежан, открой.

Его голос ударил по ушам, по нервам, по сердцу...

Я не хотела его видеть.

Слышать.

Мне было так больно, господи...

Он сам открыл.

Замок у нас на двери был стандартный, круглая ручка, если закрыть изнутри, то снаружи можно всунуть длинную иголку, или шпильку и...

Артём вырос в дверном проеме.

Я видела, что за ним маячит Василиса...

Он зашел, закрыл дверь.

Сел рядом.

— Маленькая... Белоснежка моя...

Я смотрела не понимая. Как он может так говорить? Как?
Это же...

— Снеж...

Я не могла ни слова сказать... просто... как будто язык проглотила.

— Снежан, скажи, что-нибудь...

Артём знал это мое состояние. Я могла вот так впасть в эмоциональный ступор. Если переживала потрясение. Словно пропадал дар речи на какое-то время.

Вот и в тот раз...

Я не могла. Не могла...

Хотелось умереть.

Зачем я поехала в этот несчастный ледовый дворец? Зачем я туда пошла?

Артём протянул руки, собираясь меня обнять. А я попыталась отползти, отталкивая его руками.

— Снежка, Белоснежка моя, девочка моя, прости... господи, прости меня, я... Я болван, идиот, старый дурак, я... Ничего у нас не было, это просто... как наваждение, я... мне не нужна она, это...

Наваждение?

Он сломал мне жизнь просто потому, что на него нашло наваждение? Ему захотелось потрогать молодую, красивую? Как там Василиса сказала — она невероятная?

— Снежа...

Я хотела умереть.

Тогда.

А сейчас...

Сейчас он говорит, что Василиса в больнице?

— Что с ней? — спрашиваю, пытаюсь быть спокойной.

— Упала на тренировке. Потеряла сознание. Я... я не знаю пока точно, что, но... Черт, Снежана, ты должна приехать! Она тебя звала!

Глава 3

Звала...

Я смотрю на Леру, вижу, что она всё слышит. Глазки наполняются слезами.

— Мама... а как же праздник? А Игорек? Мам? Мы всё бросим, да?

Они бросили нас, а теперь мы должны бросить всё и ехать к ним...

Во мне борются обида и страх. Разве мать не должна бросить всё и побежать, полететь, понестись к своему ребенку на помощь? К своей кровиночке?

Чтобы быть рядом.

Должна. Да.

Но что, если эта кровиночка выбрала не меня?

Она выбрала папину новую пассию. И по совместительству своего тренера.

Которой восхищалась, которую поставила на пьедестал.

А я-то, глупая, радовалась, что она в таком восторге от молодой и энергичной Аделины Сергеевны. И муж ее хвалил... да, он тоже был в восторге, как оказалось.

Странно. Ведь прошло больше года, а рана по-прежнему жива.

Мысли о дочке режут меня без ножа.

Мысли о том, как она тогда это сказала — ее тон, ее вы-

ражение лица, эти глаза злые, будто мою девочку подменили просто.

Да, мне бы хотелось думать так, что ее подменили, чем то, что я сделала что-то не так.

Как-то не так ее воспитала, привила ей такие нехорошие качества, что она посчитала не зазорным оскорбить родную мать.

Ведь как думать иначе, когда твоя родная дочь заявляет, что чужая тетя лучше?

Оправдывает папино предательство! Принимает его стору!ню!

Я тогда вылетела из ванной, потому что была не в силах больше видеть Артёма. Дышать с ним одним воздухом. Его жалкие оправдания слушать.

Да, жалкие!

Разве нельзя было сказать мне честно? Мол, разлюбил, нравится другая, тянет к ней.

Но он предпочел извальять меня в грязи, чтобы я увидела всё своими глазами.

Нет, конечно, он не подстроил тот случай. Ничего такого.

Но мой муж далеко не дурак. И мог предположить подобный исход.

Что кто-то зайдет. Место ведь общественное.

Дети, сотрудники ледового центра, или жена, или дочь.

Да кто угодно!

Но, видимо, ему настолько голову снесло, что ни о чем он

вообще не думал!

А Василиса... она... как могла она? Какие у нее причины?

Она смотрела на отца за моей спиной, а потом ее взгляд переместился ко мне.

— Мама... успокойся, пожалуйста, ты всё равно рано или поздно узнала бы... — И еще так капризно губы вытянула, будто с глупым ребенком говорила. Она точно так же с младшей сестрой порой общалась, когда та слишком настырно к ней лезла, чтобы поиграть.

— Вася... — Артём предупреждающе на нее рыкнул, пытаясь заткнуть.

Но она не видела смысла что-то скрывать. Передернула плечами.

— Пап, ну мама должна понимать. Просто Аделина Сергеевна... ну, она классная... Папа не мог в нее не влюбиться. Господи. Влюбиться!

Мне тогда хотелось пойти и этой классной Аделине Сергеевне волосы вырвать! Как она смогла внушить моей дочери, что это нормально, когда отец подопечной, на минуточку, женатый, с ней роман крутит?

Я всё думала, как они ей это объяснили? Как внушили, что это — норма?

Или Вася сама такой вывод сделала, просто потому, что молодая тренер крутая, а мама... А мама что? Привычная, старая, скучная зануда, которая давно не авторитет.

— Иди в свою комнату! — Артём не выдержал, рявкнул.

Василиса ничуть не смутилась, но всё же ушла, демонстративно хлопнула дверью.

Он кинулся ко мне, я отшатнулась — весь он мне так противен стал, до тошноты.

Эти руки ласкали ЕЕ, эти губы целовали ЕЕ, а потом он же ими... меня...

Он просто вытянул руки и смотрел с таким лицом, будто правда боялся меня потерять.

Господи! Я тогда еще удивилась. Мой Артём оказался одним из тех мужиков, которые банально верят, что жена примет его после другой. Что после того, что я видела, он как-то сможет объясниться.

Неужели он так плохо знал меня?

— Снежа... черт... — Он запустил пятерню в волосы и дернул, зашипев от боли. — Это ошибка всё... чертова ошибка... Неужели мы будем рушить брак из-за такой ерунды?

Я взметнула на меня больной взгляд, поежилась.

Ошибка...

— Ошибка, Артём, это совсем другое, — проговорила ровным голосом, который не вязался с моим состоянием. — А то, что ты сделал, это называется предательство. А я такого не прощаю. И ты сам всё разрушил.

— Всё еще можно исправить... Снежа, ну прошу тебя... Я люблю тебя! Всё можно вернуть!

— Любишь? — я приподняла бровь и кивнула в сторону

спальни. — А вот твоя дочь говорит, что ты влюблен в Аделину Сергеевну.

Я тогда ненароком сказала “твоя дочь”. Это само вырвалось.

Но эти слова будто стали роковыми.

Артём побагровел, ему не понравилось, что я сказала.

Кому же нравится слушать о себе правду?

— Ты что, будешь слушать ее? Слушай меня, я разве когда-то тебя обманывал, Снежа? Разве я не достоин даже простого разговора?

— Не унижай нас этим, Артём, не надо. — Я мотнула головой, внутри всё сжалось от того, какими глазами он на меня смотрел. Умолял ими! — Ты не сможешь стереть то, что я видела. Не сможешь меня заставить забыть, что сказала твоя... сказала Вася.

Почему я так говорила? Почему в сердцах упорно называла дочь уже не своей? Неужели предательство было настолько жестоким, что побеждало силу крови?

Будто само мое нутро отталкивало дочь, которая меня предала.

Мне не нравилось всё это! Мне хотелось проснуться!

Хотелось кричать, ругаться, звонить куда-то, жаловаться на тренера, которая спуталась с моим мужем! И в то же время у меня не было сил. Такая слабость напала, что я боялась просто рухнуть.

Но если бы я рухнула, то Артём сразу бы меня подхватил.

А я не должна была позволить, чтобы предатель коснулся меня хоть раз!

— Снежа...

— Хватит, Артём, всё, — сказала мертвым голосом, — не трогай меня.

— Хорошо... я дам тебе время...

Время. Смешно. Он думал, что время поможет?

— Пропусти, — потребовала и прошла мимо него в комнату дочери.

Моей младшей дочери. Ночевала в ней, прижимаясь к сонному тельцу моей маленькой, еще такой невинной, еще не предавшей меня дочери.

Сердце кровоточило, оно пульсировало внутри одним болезненным сгустком, и эта пульсация не давала мне уснуть. Я всё лежала, слезы текли, текли. Такие соленые, едкие, они совсем не помогали. Я лежала, уставившись в потолок, и явственно понимала, что вся моя жизнь сегодня рухнула.

И с каждой минутой я леденела внутри, всё словно в лед обращалось, внутри которого замерзало разбитое сердце.

Так я и жила это время. Словно во льду. Вернее — та часть жизни была погребена подо льдом. Прошлые и предатели. Муж и дочь.

И вот сегодня этот лед дал трещину.

Моя девочка упала в обморок на тренировке. Но почему? Что же случилось?

— Мама... — голосок Леры такой жалобный, растерян-

ный.

Моя крошка готова расплакаться навзрыд.

Я лечу к ней, опускаюсь на колени, и она идет в мои объятия, прижимается.

— Пусён, праздник будет, быстро... Фотки сделаем и торт съедим, а потом будем собираться.

— Мы поедем к ним? В их город? Поедем в больницу?

— Да, моя хорошая. Мы поедем проведать Васю.

Она кивает, в уголках глаз блестят слезы, но после моих слов успокаивается.

— Мама, а Василиса сильно заболела? — спрашивает голосом, тонким как у птички.

Вижу, что переживает за сестру сильно, хоть и обижается, что она уехала.

Но безумно скучает и не пропускает ни одного эфира дочери в ее блоге, который та ведет с подачи тренера, чтобы развивать популярность.

— Конечно нет, — с улыбкой убеждаю дочь, а сердце внутри ухает, и живот схватывает от волнения, но внешне я держусь. Ради деток держусь.

Мои малыши должны видеть маму спокойной и уравновешенной.

Я обещала, что день рождения им запомнится, и так оно и будет!

— Купи нам билеты, — я звоню бывшему мужу, улучив минутку. — На ближайший рейс.

Глава 4

Шикарный именинный торт с одной свечкой. На тортике фигурки малышей-супергероев. Съедобные. Игорёшка сразу хватается одну, после того как задувает свечу.

Праздник проходит почти так, как мы задумывали, учитывая, что сразу после мы должны рвать в аэропорт.

Я успела побросать в чемодан какие-то вещи. Попросила маму помочь.

Мама заехала, головой покачала.

— И зачем всё это?

— Что, мам? Ты считаешь, мне не надо ехать к дочери, которая в клинике в тяжелом состоянии?

— Разводиться было не надо. Вот.

Да, моя мама была против моего развода с Артёмом.

Хоть и поддержала меня.

Она сама в свое время ушла от первого мужа, который ей изменил. Но у них не было детей.

Я вообще об этом муже узнала только во время своего развода!

Это был шок.

— Вот так, дочка, да, взяла и выставила нахала. Но у нас детей не было, понимаешь? А у вас... Да и жили же хорошо!

— Как хорошо, мам? Так хорошо, что муж бросился на малолетнюю... — Я не стала договаривать. Всё было ясно и

так.

— Ну и бросился! Все они, кобели, одинаковы! А ты бы повыдираала бы ей космы, да написала бы жалобу! Пусть бы ее лишили этого... ну... возможности тренировать. Уверена, если бы мамышки узнали, что она вместо тренировки папашек окучивает — никто бы с ней детей бы не оставил и тренировать не доверил. Вот.

— Мам...

Я устала. Мне тогда было не до объяснений.

Не до того, чтобы вступать в полемику про “выдранные космы”.

Я не могла простить.

Перед глазами постоянно была эта его рука, накрывающая ее грудь. И глаза затуманенные, мутные.

Он ее хотел.

Он был не в себе от страсти!

Он!

Мужчина, который просил меня родить сына!

Которому я верила так безоговорочно!

Как себе.

Верила.

Любила.

Ценила.

Восхищалась им.

Он ведь сам, с нуля построил бизнес. Было всякое. Было непросто.

И с бандитами приходилось “решать”, и с “решалами”, и с рейдерами. И партнеры его кидали, и компаньоны.

Один только был неизменным и верным.

Ваня Ветров.

Ветер, ветерок...

Когда узнал о нашем разводе, пришел ко мне. Взгляд был, как у собаки побитой.

— Снеж, ты чего? Он же любит тебя, реально! Ну... подумаешь, седина в бороду...

— Молодой он еще для седины в бороду. Это после сорока обычно.

— Так ему почти... Что тут осталось?

— Вань, ты прости меня, но давай не будем? Я подала на развод и...

— Зачем ты всё ломаешь?

— Я? — Я была в шоке от слов Ветра, мне всегда казалось, что он ко мне неровно дышит, и сдерживается только потому, что он друг Артёма, а тут... — Ты меня обвиняешь?

— Не обвиняю. Но всё всегда в руках женщины.

— Вот тут ты не прав. Всё было в руках Артёма. Грудь этой... прекрасной девушки была в его руках.

— Снежка, ну ты же умная, чуткая... Ну... пожалей ты его, оступился. Отправь... к венерологу, попугай и... возвращай обратно. Вы же любите друг друга, черти!

— Вань, когда любят, не лезут в трусы к другим. Вот ты... ты кого-нибудь любишь?

— Тебя я люблю, Снежка, тебя...

Признался. И ушел. Потом, правда, еще приходил.

И помогал.

И из роддома меня с Игорьком забирал.

Артём сказал, что не сможет приехать. У Василисы были соревнования в Сочи. Ответственные.

Конечно, соревнования дороже, чем сын.

Сын, которого он так просил.

Но в итоге Артём приехал. Правда, я не захотела с ним пересекаться, выскочила через черный ход, где меня поджидал Ваня.

Он и сегодня с нами.

Притащил Игорьку огромную машину. Такую, на которой ребенок сам катается.

— Пока рано, но через год — самое то!

Он так и сказал “самоЁ”...

Ваня был хорошим. Умный, обеспеченный, красивый мужчина. Девки на него пачками западали. А он...

— У меня не было надежды, Снежан. И я реально не хотел, чтобы вы разводились. Но... сейчас вы не вместе, Артём не твой муж больше, и...

— Нет, Ваня, прости, но я не могу. И не смогу. Просто... Нет, и всё. С тобой — никогда.

— Почему? Потому, что я — его друг?

— Нет. Потому что мне никто не нужен.

Мне на самом деле не был никто нужен.

И сейчас никто не нужен.

Умерло всё.

Атрофировалось.

Смотрю на мужиков, и вижу предательство.

Гниль...

Улыбки лживые.

Фальшь...

Они обращаются ко мне, а в голове этот шепот — предатель, предатель, обманет, соврет...

Ненавижу.

Реально ненавижу.

У меня есть мои дети. Дочь, сын.

И еще одна дочь.

Которая тоже разбила мне сердце, но которую я всё равно сильно люблю.

Тогда Василиса встала на сторону отца.

Я даже ходила к детскому психологу. Не с ней. Сама. Спросила — почему, за что? Психолог попыталась объяснить.

Да, для Василисы тренер — авторитет, героиня, пример.

А мама... Мама — это просто мама. Мама требует. Мама поучает. Мама читает нотации. Мама ругает.

— А где же мама любит?

Меня волновал этот вопрос, я не была той матерью, которая вечно пилит, наоборот. Я поддерживала, любила, я помогала.

Я хотела, чтобы Василиса мне объяснила. А она закрылась. Замкнулась.

А потом высказала:

— Из-за ваших разборок меня могут не взять в Москву, в группу! Вы обо мне подумали? Я вообще хочу жить с Аделиной и она меня забирает.

— То есть, как забирает? — возмутилась я. — Какое она имеет право? Кто ей тебя отдаст?

Я посмотрела на мужа, он сам, кажется, был в шоке.

— Василиса, такого уговора не было.

— У вас не было, а у меня есть! Вы получите письмо из федерации. И вы обязаны меня отдать! Я буду чемпионкой, понимаете?

Я понимала.

Понимала, что для нее катание. Она реально каталась очень хорошо, у нее было прекрасное скольжение, и высокие прыжки, и даже попытки четверного лутца и тройного акселя. Она уже прыгала четверной тулуп, вращения исполняла третьего и четвертого уровня. Правда, пока ещё не на больших соревнованиях. Но в ее тринадцать лет это было очень круто. На уровне юниорского чемпионата страны.

Но чтобы отдать ребенка тренеру?

Я тогда об этом не думала.

Вообще не представляла, что в итоге всё получится вот так.

Я собиралась разводиться с изменником мужем.

Я не планировала никому отдавать дочь.

Но дочь решила иначе.

А я...

Я тогда всё время была словно в каком-то коматозе.

Я не жила — существовала.

Провалила заказ, поставив под угрозу работу. Чувствовала себя отвратительно.

Есть не могла — тошнило периодически. Ходила бледная, как собственная тень.

Пока как-то на работе коллега и подруга Оксана не всучила мне тест.

— Ты с ума сошла? — спросила я, а потом...

Потом похолодела.

“Роди мне сына”...

Вспомнила его слова.

Всё вспомнила.

Господи.

Смотрела в туалете нашего офиса на две полоски, и мне казалось — с ума схожу.

Приняла решение молчать.

Ничего не говорить Артёму, по крайней мере пока... Когда закончится это “пока” — об этом я не думала.

И снова всё тогда пошло не по плану.

Артём ужинал, я поставила чайник — мы всё ещё жили вместе, только спали отдельно. Василиса зашла на кухню и положила что-то на стол. Я сразу не поняла, что это.

— Мам, ты что, совсем уже, да? Зачем ты это выдумала? Ну, какая беременность сейчас? Просто отпусти нас с папой, и всё.

Это был шок.

Глава 5

Мы стоим в аэропорту, мама провожает. Поехала с нами. Сама не своя от беспокойства.

— Вот зачем детей тащишь? Я бы справилась. Попросила бы соседку, бабу Ньюру, как-то бы управились.

— Мама, ну как я их оставлю? Я же еще грудью кормлю Игорька, да и Леру я не могу сейчас одну бросить, — урезониваю ее, морщась от шума и гама толпы.

Непривычно. Некомфортно. И вообще очень нервно.

Еще и мама добавляет тревоги:

— Мне это всё не нравится, дочь. Не лети, не надо. Она уже отрезанный ломоть. Папина дочка.

Мне хочется защитить Василису, спорить с мамой, но на это просто нет сил, да и времени тоже нет, как и нет смысла спорить, когда мы уже тут — билеты куплены, посадка идет, а дочка звала меня.

Сердце колет. Каждый раз колет от мысли о ней.

И только забота о младших удерживает меня на плаву.

Мамины слова отдаются болью, возвращают в темное прошлое.

Это был шок.

Я потрясенно смотрела на тест с двумя красными полосками.

Который так хотела скрыть.

Мне и самой было непонятно, что делать.

Что же мне делать с этой уже не нужной моему мужу беременностью?!

С ребенком, которого он так просил, и он проявлял старание, чтобы я забеременела.

Рожать. Это однозначно. Я ни за что бы не стала избавляться от ребенка. Ребенок — это чудо. Тем более я всегда так хотела мальчика.

Но я не планировала рожать одна, оставаясь с двумя детьми без мужа.

Хотела, чтобы у нас было трое детей, ведь он так просил, господи...

Меня на этом как заклинило — как можно одновременно просить ребенка и крутить роман с другой?

Может, мой муж сошел с ума? Это кризис среднего возраста?

Да какая разница?

Всё так запуталось.

И муж, который уставился на меня вопросительно, побелел весь.

И дочь, в глазах которой я увидела обвинение.

А ее слова — они ужаснули. Они до меня просто не дошли сначала.

— Что? — Я оторопело открыла рот.

— Что-что, — противно передразнила дочь. — Ты же всё

подстроила, мама, ты специально, да? — заявила обвиняя.

— Ты как с матерью разговариваешь? — Артём за меня вступился, хоть я и не просила, хоть меня и коробил тон Василисы, но разве до того сейчас?

Но Василиса у нас оказалась слишком взрослая, голову вскинула, глазами в нас обоих стрельнула и выдала, прищурившись:

— Зачем эти две полоски? Зачем ты пытаешься удержать отца?

Меня охолонуло, а внутри как кипятком ошпарило.

Сама не заметила, как стала защищаться.

— Да ты сама виновата, Василиса, это же ты его принесла. Я вообще ничего не хотела говорить. Я хотела это скрыть!

Голос надорвался. Что-то внутри ломалось и ломалось.

Наверное, какая-то моя глупая вера в справедливость.

В том, что нельзя так поступать с мамой.

А дочка, упрямая в спорте, в этом своем фигурном катании, оказалась упрямой и в характере.

В том, чтобы унижить мать и обидеть по-черному.

Дочь глаза опустила, закусил губу и метнула взгляд в сторону отца, а меня как будто подбросило — что же я делаю? С кем я ругаюсь?

С ребенком? С тринадцатилеткой?

Разве так можно? Надо как-то помягче — у нее сложный период, она столько сил вложила в свою спортивную карьеру, ей нужно об этом думать, а не о разводе родителей.

Ей тоже тяжело, она тоже запуталась и ничего не понимает.

А эта Аделина наверняка ей голову запудрила — ведь откуда-то наша девочка взяла, что я не отпускаю ее с отцом, не даю ей строить карьеру, препятствую.

Но это же не так?

Во мне проснулась нежность, я же так любила мою славную, добрую девочку, которая из милой доченьки, любящей обнимашки и секретики, превратилась в колючего подростка: со своим мировоззрением, целями, с попытками отделиться от взрослых и строить свой путь.

И “превратилась” тут самое верное слово, потому что не знаю, как у других, а у нас произошло именно так. И здесь дело не в том, что мама что-то не так сделала — просто это период взросления.

Был.

Период, в который нужно уделять ребенку особенное внимание, несмотря на то, какой он едкий и холодный. Надо! И я старалась! И всё было хорошо. Я ее поддерживала, помогала, я всегда была рядом.

А что это сейчас?

Это какая-то война?

Со мной? С родной матерью?

— Вась, ну зачем ты так? — произнесла мягко. — Тебя что-то тревожит? Зачем ты так со мной говоришь? Давай обсудим, давай ты сядешь, и мы...

— Мама, хватит! — Она отшатнулась, хотя я ее даже не трогала, и мне так больно стало, будто она меня ударила.

— Вася, — Артём сказал одно лишь слово, но в нем была сталь, и обычно одного этого предупреждающего тона хватало, чтобы ее урезонить, но на этот раз Василису несло.

— Папа! Ты что, не видишь? Она специально! — Она с упреком ткнула в мою сторону пальцем. — Вон всего наготовила, тебя не прогоняет, а еще тест. Скрыть она хотела. А кто его положил на видном месте? А ты знаешь, папа, что такие можно в интернете заказать? С двумя полосками?

— Прекрати, — приказал Артём и встал, повышая голос: — Иди в комнату! И подумай над своим поведением! Как ты с матерью вообще разговариваешь?

Василиса кулаки сжала и, психанув, потопала в комнату, а я...

Я сидела оглушенная, ничего не понимающая, убитая.
Что?

Она думает, что я специально, что я... я...

Что я удержать его хочу?

Что я унизилась до того, чтобы купить фальшивый тест на беременность и положить на видном месте? Чтобы ребенком мужа удержать?

Она так обо мне думает?

Они оба так думают?

— Снеж...

Голос мужа прорвался сквозь тьму и туман.

Он опустил­ся передо мной на колени и по­ло­жил ру­ки мне на талию, пы­таясь об­нять, до­тя­нуть­ся, пы­таясь пой­мать мой вз­гляд, а е­ще... а е­ще он на жи­вот смот­рел... И в гла­зах та­кое бла­го­го­ве­ние бы­ло.

— Ты... ты бе­ре­мен­на?

— Я...

Меня снова замкнуло. Не могла я говорить вообще после того, что устроила дочь. Я ее не понимала! От слова со­всем...

И муж, который вел себя так, словно счастлив был до небес ребенку.

Господи, если бы я не узнала про Аделину, если бы я не пошла в тот день в ледовый дворец, если бы я не увидела их, его глаза, наполненные желанием к другой женщине, то какой бы это был счастливый момент!

Момент чуда!

Момент, который кладут в копилку семейных воспомина­ний!

Он должен был быть таким, а стал черным днем календа­ря.

Когда муж узнал, что я беременна, но это теперь ничего не значило.

— Снежа... это же всё меняет... это знак! — Глаза Артёма горели, он словно обрел второе дыхание, надежду, он сиял.
— Ребенок... у нас будет ребенок...

— Ребенок будет у меня. А у нас будет развод, — сказала

как отрезала. Жестко.

Он насупился, задышал тяжело, посмотрел исподлобья.

— Никакого развода не будет!

Но он был. Развод.

И ребенок, которого я родила одна.

Глава 6

Наконец посадка. Мама уже ушла, перекрестила нас на прощание, сказала “с Богом”, наказала позвонить, как только долетим.

Артём купил нам места в бизнес-классе, хотя это никак не облегчает заботу об Игоре, который раскапризничался и куksится, недовольный отсутствием привычного комфорта и рутины.

Понимаю, перелет — это стресс для такого малыша, не то что для дочери, которая всё это воспринимает как одно большое приключение.

— Мама, как тут красиво! — Лера в восторге, оглядывается, она, как и я, никогда не летала бизнесом, ей всё тут интересно.

Кресла тут и правда больше по размеру, выглядит всё, по сравнению с обычным салоном, круче и комфортнее. Вроде бы и кормят тут лучше.

Гашу в себе всплеск благодарности к Артёму, который взялся из ниоткуда.

Какая благодарность? Это его дети, он обязан позаботиться о безопасном и комфортном перелете для них, а учитывая, как он мало им давал в последнее время, так и вовсе не стоит думать о том, чтобы поставить ему памятник!

Рассаживаемся на своих местах, ребенка я держу на коле-

нях — таковы правила.

Стюардесса объяснила, что есть специальная люлька на креплении, туда можно положить малыша, но это у мест рядом с кабиной, там сидят другие пассажиры, если мне нужно, она может попросить их поменяться. Я благодарю ее за помощь, но отказываюсь от пересадки — пока предпочитаю держать его рядом.

Лера суетливо крутится возле иллюминатора, счастливая оттого, что ее ждет.

Самолет плавно скользит шасси по взлетной полосе и спустя какое-то время отрывается от земли, мягко звучит голос командира судна, вещающего из динамика с приветственной речью, а по салону принимается фланировать стюардесса.

— Напитки? Сок, вода, может, шампанское? — предлагает девушка с милой улыбкой, в ответ я качаю головой, кивая на ребенка, которого кормлю грудью.

— Мне нельзя шампанское. Воды, пожалуйста, если можно.

— Конечно. А что для вас? — обращается она на “вы” к Лере, отчего та сначала недоумевает, а потом расплывается в улыбке и откидывается на кресло, как особа королевской крови, голос приобретает потешную манерность:

— А мне, пожалуй, сока.

За ней так забавно наблюдать, за ее игрой, видеть ее улыбочивую мордашку маленькой актрисы — всё это поднимает настроение.

Мы со стюардессой переглядываемся с улыбками.

— У нас есть детское шампанское, если хотите, принесу.

— А у вас Новый год? — удивляется Лера, выпрямляясь на кресле.

— Нет, но шампанское есть.

— Тогда я буду. Мамочка, можно?

— Конечно можно.

Приносят шампанское в настоящем бокале, Лера с восторгом рассматривает пузырьки, а я, изловчившись и делая это незаметно, кормлю Игорька, даю ему грудь, прикрывая пеленкой.

Мне комфортно, ему тоже, всё прикрыто, и никто не обращает на меня внимания, не смотрит в нашу сторону, так что ребенок спокойно засыпает, и я надеюсь, что надолго, потому что наслышана об этих историях о том, как пассажиры обычно недовольны криками грудных детей в салоне.

Конечно, можно уже заканчивать кормление моего малыша, и я задумывалась об этом.

Леру я кормила до года, Василиску тоже, и отлучение от груди прошло как-то само собой.

Мальчики, правда, другие, от груди их отучить сложнее, да и мне, если честно, так нравится это единение с ребенком.

Пока он зависит от тебя, всё так сложно, но одновременно и просто!

Главное — вовремя выполнить его потребности: накормить, успокоить, переодеть, усыпить... И малыш доволен!

Ему же что важнее всего? Чтобы мама была рядом.

Ему мама не надоедает. Она всегда нужна, он ее обожает, не может без нее.

А вот когда ребенок вырастает, мама становится нужна всё меньше и меньше.

В случае со старшей дочерью — я стала будто и не нужна вовсе.

Настроение портится, как происходит каждый раз, когда я думаю об этом.

— Спит? — Лера заглядывает в личико малыша, который беззаботно уснул.

Я киваю, а она смотрит грустно, прикладывает к уху ладошку.

— Мам, у меня в ушках давит.

— Это из-за высоты, пусён, давай я тебе дам конфетку, пососеешь, станет лучше. Нужно глотать слюнку, тогда не будет больно.

— Правда? — восторженно спрашивает она, разворачивая конфетку, и сует ее в рот.

Такая счастливая, будто я открыла ей самый главный секрет вселенной, и эта детская, непосредственная радость сейчас, как и каждый раз, подпитывает меня и залечивает рану, нанесенную Василисой.

Рану, которая никак не заживает.

Проходят месяцы, но я никак не могу забыть, как меня ранили муж и старшая дочь.

Снова вспоминаю, как дочка ушла в глухую оборону и не шла на контакт, как Артём умолял простить, одуматься, не подавать на развод.

Я была тверда. Ничего не могло меня остановить.

Ни моя беременность, ни его мольбы, ни доводы разума.

Я не смогла бы простить измену ни за что в жизни!

А если бы и простила... ну, вдруг... То уже никогда бы не смогла доверять!

Женщин вокруг Артёма всегда было немало, и оно и понятно — высокий, мускулистый, крепкий мужчина, еще и обеспеченный.

Ну и что, что женатый? В наше время это мало кого останавливает.

— Я тебя прошу, не совершай глупость, о которой будешь жалеть всю жизнь. Не рушь семью.

— Я не буду жалеть, и это ты разрушил семью.

Такие разговоры велись у нас уже два дня.

Меня тошнило, Артём то смотрел взглядом побитой собаки, то бушевал, то пытался направить меня на “путь истинный”.

В итоге это всё довело меня до больницы. Я в обморок упала. Гипертонус. Врач сразу сказал — надо лечь на сохранение. Я не спорила.

Артём, конечно же, пришел, притащил вещи, продукты, и опять этот умоляющий взгляд.

— Пожалуйста, давай нормально поговорим, у меня там

реально ничего не было. Один... один поцелуй...

Голос стал прерывистым, он и взгляд отвел. Я видела, что ему сейчас стыдно. Что он жалеет.

Но тогда! Тогда-то он наслаждался! Он ее хотел. ЕЕ. Не меня!

Что было бы, не зайди я в тот кабинет?!

Думать противно!

— Один поцелуй... — протянула я с горечью. — А что было до него? Ты о ней думал, ты о ней мечтал. Это предательство, Артём, понимаешь? Зачем у меня просил ребенка тогда? — Я всё никак не могла решить эту дилемму.

— Я хочу ребенка, хочу, Снежана... Я не хочу тебя терять, вас терять. Дай нам время. Я докажу, что она ничего не значит.

— Поздно, Артём, ты уже потерял. И время тут не поможет.

Я отвернулась, слезы потекли по щекам, увлажняя подушку.

Он молча сопел, но в итоге ушел, понял, что бесполезно со мной сейчас разговаривать.

Почувствовала движение рядом, кто-то сел на край постели.

Я повернулась и увидела женщину с добрыми глазами, крупную, полную, но молодую.

— Муж, да? — на дверь кивнула. — Налево пошел?

У меня не было злости на то, что она лезет не в свое де-

ло. Совсем незнакомая девушка — казалось бы, я не должна была с ней на такие личные темы разговаривать. Но столько в ее глазах было мудрости, сочувствия и понимания, что я не выдержала.

Призналась.

— Застала его с молодой тренершей дочери.

Она вздохнула и закатила глаза.

— Сколько ему? Лет сорок?

Я опять кивнула, а она махнула рукой.

— Их в сорок всех несет. Мой тоже гульнул. С подругой на свадьбе. По пьяни. Но ничего, ребенок всё исправит.

Она погладила живот, и в глазах не было ни боли, ни тоски.

Я тогда удивилась и просто села на постели, вытирая слезы.

— И ты...

— Я, Катя, кстати, — улыбнулась она. — А ты Снежана, да?

Мне стало неловко, что она слышала весь наш разговор с мужем, раз имя знает, но я отбросила стеснение, потому что разговор был мне крайне важен. И нужен. От этой молодой женщины веяло мудростью, а глаза были очень взрослыми.

— Снежана. И как ты... ты простила?

— Простила. У нас дом, дети, у меня близнецы, мальчики, и вот, еще один будет. А у тебя?

— У меня две девочки, а он... очень просил мальчика...

— Значит, хотел!

— Если бы хотел, не стал бы... с ней... — понуро проговорила я, не желая принимать мировоззрение случайной знакомой.

Но вместе с тем нас что-то роднило, и мне очень хотелось услышать ее историю. Сердце екало и тревожно билось от волнения.

— Что там было-то? — Она снова махнула рукой. — Для мужчины измена — это другое. Это не любовь, а так, сброс напряжения, огонька им хочется, понимаешь? Но потом он всё равно возвращается в дом. Не руби с плеча, Снеж, всё же трое детей — зачем рушить семью из-за мелочи?

— Для меня это не мелочь. Я не смогу это забыть.

— А без него сможешь? — спросила она, поглядела прямо в глаза, и я вздрогнула.

Этот вопрос я себе не задавала.

А смогу ли я без Артёма? Справлюсь ли я одна с двумя детьми?

Не умру ли я от горя и тоски, воображая, как он поддается “наваждению” с той?

С ней...

Ведь, если я его прогоню, она не погнушается. Она его заберет.

Будет только рада.

— А как ты... а как ты смогла простить? — спросила я тогда.

Катя просто пожала плечами.

— Я его люблю — это самое главное.

Любовь?

Самое главное — это любовь?

Я тогда задумалась.

Можно ли простить ради любви?

Ради детей?

Я смогу или нет?

А потом, вечером того же дня, открылась дверь, и в палату вошла она.

Аделина.

Глава 7

Перелет до Москвы довольно короткий. Вроде только взлетели, принесли обед, и почти сразу посадка.

Лерусик всему удивляется, с удовольствием ест всё, что принесли, пробует даже оливку, которую дома бы есть не стала, кривится сначала, а потом округляет глазки:

— Мам, как вкусно! Это, наверное, потому, что мы в воздухе. Летим. Тут всё такое волшебное получается, да?

Улыбаюсь ей, киваю — конечно да.

Мне удастся так разместить Игорька, чтобы и самой немного перекусить, хотя кусок особенно в горло не лезет.

Потому что я думаю, думаю, думаю...

Вспоминаю.

Вспоминаю самое неприятное. Самое болезненное для меня.

Аделина.

Она реально пришла в перинатальный центр, где я лежала в отделении патологии беременности.

Соседка Катя, к несчастью, вышла, и мне пришлось встретить врага в одиночку.

— Здравствуйте, Снежана.

— Что вам нужно?

— Пришла поговорить. Спокойно поговорить.

— Вы считаете, мы можем говорить спокойно? Особенно

сейчас, когда я в таком состоянии?

Она как-то очень цинично пожала плечами.

— Почему бы и нет? И что такого особенного в вашем состоянии? То, что вы беременны от вашего мужа?

— Я не намерена с вами разговаривать в принципе. А если вы будете говорить в подобном тоне — я вызову охрану.

— В каком тоне? Я пока еще спокойна. И вам тоже предлагаю успокоиться и трезво посмотреть на вещи.

Да уж, ее спокойствию тогда точно можно было позавидовать. А вот моему — скорее нет. Внутри всё кипело, горело.

Мне хотелось встать, подорваться, вцепиться в ее идеально вытянутые волосы, хорошенько ее потрепать.

Эта гадина отняла у меня самое дорогое.

Семью.

Любимого мужчину.

Дочь, которой она внушила какие-то дикие, страшные вещи.

Я ведь реально даже не думала, что моя Василиса когда-нибудь может такое мне сказать! Обвинить меня! Моя милая, нежная, стойкая девочка, которую я любила безмерно, в которую вложила столько сил!

А она...

Аделина смотрела на меня бесстрастно. Но я всё-таки заметила, что она волнуется. Дрожала рука, которой она держала свою модную, дизайнерскую сумку.

— Трезво посмотреть на что? На то, что вы влезли в мою

семью? Мужа соблазнили, с ребенком какую-то странную работу проводите, да?

— Я не влезала в семью. Как вы все не понимаете — нельзя влезть в семью, если она есть! Если мужчина любит, его никто не заставить пойти налево.

— Неужели?

— Именно. Если мужчина обращает внимание на другую женщину, это априори значит, что он уже не с вами. И зачем жить в иллюзиях? Нет, конечно, можно. Продолжать лгать себе и всем вокруг. А он будет продолжать гулять.

— Интересная теория у вас. Но вы ведь не замужем? И не были?

— Не была. Но собираюсь. За Артёма.

Она сказала это так спокойно и просто, а у меня внутри всё перевернулось, сжалось, заныло. И живот снова стало тянуть.

— За Артёма, значит?

— Я знаю, он вам сказал, что у нас ничего не было. Он вас жалеет. И боится признаться честно. Но... мы с ним давно близки, и я... в общем, мы не предохраняемся. Поэтому, возможно, я тоже в таком же положении, как и вы.

Это был удар.

Серьезный удар. По мне. По моему самолюбию. По моей душе.

Всё-таки, несмотря на то, что я тогда уже твердо решила, что разводу быть, во мне еще теплилась надежда, что Артём

сказал правду.

Что ничего серьезного с этой тренершей у него нет, что это было затмение, пресловутый “бес в ребро”. И даже если это не спасет нас от развода, то хотя бы не будет так мерзко. И возможно — возможно! — когда-то я смогу его простить. Если он попытается заслужить это мое прощение.

Да, да, в тот момент вся я была погружена в эти эмоциональные качели.

С одной стороны — абсолютная, твердая решимость не прощать предателя. Выставить его из своей жизни. Закрыть эту тему раз и навсегда.

С другой — надежда на то, что всё-таки мой предатель заслужит пересмотра его дела. Заставит меня поверить в то, что есть чувства, и он готов доказать то, что эти чувства реальные.

Пусть я сама себе твердо сказала — прощения нет. Но всё равно же я тогда всё еще очень сильно любила мужа, было очень больно. И хотелось хотя бы верить в то, что его предательство на самом деле было ошибкой.

Аделина пришла ко мне тогда как раз затем, чтобы дать понять — никакой ошибки не было.

Артём предал сознательно.

И сознательно мне врал.

Я помню, как снова сильно сжался живот. Как скрутило всё внутри.

Как было больно.

— Я вас поздравляю, — ответила я сухо, стараясь не показать бурю, бушующую внутри, — только не понимаю, мне зачем эта информация?

— Не понимаете? — она усмехнулась. — Не лукавьте, Снежана. Всё вы прекрасно понимаете.

— Не надо разговаривать со мной в таком тоне, я вам не подруга.

— Я буду разговаривать в том тоне, который вы заслужили! Что это за цирк с беременностью? Вы не понимаете, насколько вы жалки? Вы пытаетесь пузом удержать мужчину, который выбрал другую женщину! Который любит другую! Вы понимаете, как это тупо? Да вы просто весь женский род позорите этими вашими дешевыми приемами!

— Убирайтесь отсюда! Вон!

— Успокойтесь и слушайте!

Я в ярости давила на кнопку вызова сестры, с ужасом понимая, что она не работает. Никто не придет на помощь. Не выставит эту нахалку!

— Я люблю Артёма, а Артём любит меня. Вы — лишняя! Но дело даже не в этом. Подумайте о своей дочери.

— Что? При чем тут моя дочь? Не смейте трогать моего ребенка!

— Меня зовут в Москву. В очень известный тренерский штаб. Это шанс для Василисы выйти на новый уровень. Абсолютно новый. Я готова вкладывать свои средства в ее развитие, готова тренировать ее больше и бесплатно. Она смо-

жет участвовать в юниорском Гран-при, ее узнает вся страна. Она станет чемпионкой — это точно, учитывая ее потрясающие данные. Вот тот шанс, о котором я говорю. Шанс для вашей дочери. Один на миллион. И вы можете ей этот шанс дать. Или отнять. Отнять мечту у собственной дочери!

— Что вы хотите? — У меня не осталось сил ее слушать. Живот тянуло. Я мечтала, что она выскажет всё и свалит. Злилась на то, что вызов медсестры сломан. Мне просто надо было, чтобы Аделина ушла.

— Сделайте аборт. Отпустите Артёма. Живите дальше. Вы эффектная женщина, у вас еще будут мужчины. Оставьте его. Отпустите мужа и дочь со мной. Я сделаю их счастливыми. Я, а не вы. Вы для них уже пройденный этап.

Она говорила это так уверенно.

Пройденный этап!

Ладно, для мужа, но для дочки?

Я вспомнила глаза моей девочки, выражение ее лица, ее слова. Понятно было, что это не сама она всё придумала. Ее очень грамотно накрутили, подвели к тому, что она стала думать вот так. Стала считать маму — врагом. Помехой в карьере.

И сейчас получалось, что я на самом деле такой помехой являюсь.

— То есть... ты не только мужа моего хочешь украсть, а еще и дочь, да?

— Я никого не хочу украсть. Нельзя украсть то, что не

принадлежит другому. Они не ваша собственность. Они сами за себя решают. И они выбирают меня. Вы можете продолжать цепляться за иллюзии и выглядеть жалко. А можете отступить. Поступить благородно. И сохранить лицо.

— Сделать аборт — это, по-твоему, благородство?

— В этой ситуации — да.

— Какая мерзость. Знаешь что, девочка... пошла-ка ты вон отсюда. Мужа моего можешь забирать, подавись, предатели мне не нужны. А вот дочь я не отдам. И никакого аборта не будет!

Она хотела еще что-то сказать, но в палату вошла Катя. Она как-то всё без слов поняла.

— А ну-ка, пошла отсюда! Пошла, пошла, пока я за охраной не сбегала, давай, вали, овца! И чтобы я тебя тут больше не видела!

Аделина закатила глаза, усмехнулась и ушла.

А я снова попала под капельницу.

И мне стало всё равно.

Я хотела одного — сохранить малыша.

И сохранила.

Вот мое чудо, так спокойно посапывает, пока самолет уже идет на посадку.

Закрываю глаза.

Что нас ждет тут, в Москве?

Мне не страшно.

Просто я за этот год уже выстроила нашу жизнь. Мою, Ле-

ры, Игорёшки. И в этой жизни, увы, пока нет места другим.
Даже старшей дочери.

Я не хочу опять бороться, что-то доказывать.

Я хочу просто жить в покое.

Но что-то подсказывает — покой нам только снится.

Глава 8

Шум аэропорта дезориентирует, и я невольно ищу взглядом высокую фигуру Артёма. Он обещал встретить. У меня двое детей, сумка, чемодан, мне нужно, чтобы меня встретили.

Сердце бьется с перебоями, мой взгляд мечется, мечется.

Игорёшка оттягивает руку, второй рукой я держу ладошку Леры, которая щебечет без умолку. Она на адреналине после полета, она просто счастлива.

— А папа же придет? Придет? — спрашивает звонко.

— Папа...

— Снежана...

Я слышу его голос и замираю.

Что творится сейчас внутри, не описать словами.

Вокруг люди, много людей, а я никого не вижу.

Только его.

Бывшего мужа.

Предателя.

Когда-то любимого.

Мне горько. Больно.

Я думала, что чувства прошли, испарились, что они умерли.

После того, что сделал со мной Артём, после того, как я потеряла дочь, разве можно еще что-то чувствовать?

Где она — моя гордость?

Хотя вот она — в моей позе с выпрямленной спиной, в моих сжатых челюстях, в моем бесстрастном взгляде. И случайному попутчику я дарила бы больше эмоций и улыбок, чем когда-то любимому человеку.

— Здравствуй, Артём. Спасибо, что встретил.

Он будто спотыкается о мой безжизненный тон, о мой голос тверже гранита.

Я рассматриваю его. Не постарел, нет, но стал как-то внушительнее.

Серьезный такой, взрослый, лицо похудело, на нем щетина.

Выглядит измученным.

— Лерочка, иди к папе, — зовет он, видимо поняв, что от меня не дождется ничего доброго.

Дочка смотрит на меня вопросительно, я киваю — пусть подойдет.

— Папа! Я соскучилась!

— Я тоже!

Она летит в его объятия, я растерянно опускаю глаза, крепче прижимая к себе сына.

Конечно же, она соскучилась. Она не перестала любить папу.

Он родной, он любимый, для нее он не предатель.

Дети не мыслят такими категориями.

И я не имела права навязывать ей эту мысль, что папу надо

вычеркнуть из жизни. Я, как жена, вычеркнула, но она его ребенок, его плоть и кровь.

Они должны поддерживать отношения. Это важно как для мальчика, так и для девочки...

Девочки...

Мысль о старшей дочери жжет как каленое железо.

И едва Артём и Лера размыкают объятия, как я спрашиваю:

— Когда мы поедem в больницу? Как Василиса? Что с ней?

Артём улыбался, а теперь улыбка стекает с его лица, как дождевая вода по стеклу. Он отводит взгляд. И сердце у меня готово остановиться.

Он что-то скрывает? Боится мне сказать?!

Или... или он прячет глаза, потому что в них я увижу вину?

Вину за то, что он, в мое отсутствие, довел дочь до больницы койки.

Он и его любовница. Эта Аделина, будь она неладна.

Я снова проваливаюсь в воспоминания.

Они так и кружат в моей голове, как черные вороны. Темные, неприятные, болезненные.

Как я всё же подала на развод.

Как бы Артём ни уговаривал, я была непреклонна.

Я считала, что у нас уже нет семьи, я не подпускала его к себе.

Не хотела говорить, обсуждать измену, обсуждать будущего малыша.

Я попросила его оставить меня в покое, чтобы я спокойно выносила ребенка.

Артём внял моим просьбам, съехал.

Я подозревала, что к ней, но проверять не хотела, ничего не спрашивала.

Оберегала себя от неприятных мыслей.

Мне помогала мама, иногда было так тяжело, что я не могла даже рукой пошевелить, так что ее помощь оказалась как нельзя кстати.

Никогда не знала, что можно заболеть от тоски, от горя.

Как и не знала, что боль могут причинить самые близкие.

Как и то, что это был не конец. Не самый черный день.

Самое страшное случилось, когда я не обнаружила вещей Василисы в ее комнате.

Меня словно каленой иглой прокололо, чуть не свихнулась, сразу же ей стала звонить.

Она взяла трубку как ни в чем не бывало.

— Я уехала жить к папе. Мне с ним будет лучше, — заявила она тогда.

Что сказать, я не знала. И уже совсем не понимала свою дочь.

Как подступиться. Как разговаривать. Как подобрать к ней ключик.

Господи, как она стала такой взрослой в тринадцать лет?

Неужели в ее тринадцать она уже не нуждалась во мне?

Почему она видела во мне исчадие ада?

Как ее могли так настроить против меня?

Я не знала, как воевать с собственной дочерью.

И с кем воевать за собственную дочь.

Как добиться ее любви. Как ее вернуть!

Артём уговаривал дать ей время, а потом...

А потом мы встретились у здания суда.

Он серьезный, я уже с приличным животом — нам всё давали и давали время на примирение, и Артём не давал мне развода.

А я не понимала — зачем? Зачем он мучал нас этими проволочками?

Отсрочить неизбежное ему всё равно не удалось.

Мы развелись.

И получив заветный вердикт, я решилась на еще один трудный и важный разговор.

Я давно хотела обсудить с Артёмом опеку над детьми, но понимала, что это еще сильнее затянет развод. А мне хотелось получить свободу.

Я физически задыхалась от понимания, что я всё еще жена Артёма. Не хотела иметь с ним ничего общего. Хотела сменить фамилию. Мне казалось, что, получив свободу, я смогу дышать свободнее.

Но опека...

В итоге я решила пойти на хитрость. Сначала развод, а

потом разговор о том, где и как будут жить дети.

— Нам нужно обсудить опеку и место проживания Василисы, — сказала я так холодно, как только возможно, потому что она всё ещё жила с ним.

— Василиса... она... она уехала в Москву.

— Что?

Глава 9

Смотрю на мужа сейчас, в реальности, в настоящем, и не могу избавиться от призраков прошлого.

От боли.

Я спрашиваю про Василису, а он... Он делает шаг, переводит взгляд на сына.

— Ну, привет, чемпион, узнаешь отца? Или забыл совсем?

Слова Артёма вызывают во мне почти неконтролируемую агрессию.

Хочется спросить — почему он должен тебя узнавать? Ты видел его за этот год всего несколько раз.

И именно ты виноват в том, что Игорёк родился раньше срока.

В тот злополучный день. День развода.

Когда Артём признался мне, что отпустил Василису в Москву.

Эта новость меня настолько шокировала, что у меня просто не было слов.

Слов не было. Был страх, ужас, ярость.

И боль.

Дикая боль, сковавшая мой живот.

— Снежка, что...

— Ребенок...

Только это могла тогда прохрипеть.

— Я отвезу тебя в роддом.

— Вызови “скорую”.

— Я сам, так быстрее.

Дальше всё было как в тумане. Он гнал. Нес меня на руках в приемный покой.

Суетились врачи.

Потом пришла мой главный доктор. Резко всех осадила.

— Будем рожать.

Схватки были болезненными. Такого с девочками я не испытывала.

Тогда я рожала вместе с Артёмом, он держал за руку, помогал.

На этот раз я не хотела его видеть.

— Уйди.

— Снежка, пожалуйста.

— Уйди я сказала! — Мой дикий крик напугал всех. — Ты мне никто. Мы развелись! Ты... Ты у меня дочь украл, к сыну я тебя на пушечный выстрел не подпущу!

— Спокойно, мамочка, силы бережем. А вы... выйдите.

Родила я быстро.

Когда мне на грудь положили моего мальчика — заплакала.

Нет, не от боли или горя.

От счастья.

От счастья, что он у меня есть!

Мой сын!

И больше никакие мужчины мне не нужны. Я родила себе идеального.

Артём просил разрешения зайти, но я отказала.

Выписывали нас через семь дней.

К счастью, мой малыш, несмотря на то, что родился раньше, по показателям был почти в норме. Стал быстро набирать вес, хорошо брал грудь, не было проблем с дыханием и со стулом.

Доктор нас хвалила.

А я... Я пыталась гнать все мрачные мысли.

Хотя, конечно же, не могла тогда не думать о Василисе.

Я ей писала.

Она отвечала односложно.

Да, в Москве. Живет у Аделины, хотя можно жить и в интернате. Многие спортсменки живут там.

У меня была масса вопросов. И к бывшему уже мужу, и к, с позволения сказать, тренеру. И вообще ко всей этой конторе.

Как они могли отправить мою дочь неизвестно куда?

Как могли не поставить меня, мать, в известность?

Я написала тренеру нашей спортшколы прямо из роддома.

Она перезвонила.

— Извините, Снежана Игоревна, я понятия не имела, что вы ничего не знаете. Аделина Сергеевна сообщила, что родители в курсе перевода, и папа девочки дал документы.

Папа дал!

Не сказав мне ничего!

Как он... как он посмел?

— Что именно дал папа? А согласие матери теперь не требуется?

— Ну, я не знаю... У нас же есть ваше согласие? На выезды? Вы всё подписывали.

— Это же не просто выезд?

— Да... но формально... Простите, Снежана Игоревна, Антонова мне сказала, что у вас конфликт с мужем, и девочка живёт с отцом.

— А ваша Антонова вам не сказала, что она... что у нее связь с моим мужем? Что она... она прямо во время тренировок, в тренерской...

У меня горло перехватило, я не могла выговорить.

— Что? Вы... вы серьезно?

Я кивала, не понимая, что она не может меня видеть. Слезы душили. Перед глазами опять была та сцена.

Его рука на ее груди.

Я думала, что переболела, перегорело всё. Но нет.

Это было не так.

Боль не ушла.

Время не лечило.

Только притупляло.

И обида...

У меня отняли мужа. Дочь.

Семью...

Семью, которая была. Счастливую, полную радости.

А еще...

Еще я чувствовала, как мне со всех сторон пытаются навязать чувство вины.

Как просто сделать женщину во всем виноватой, да?

Плохая жена, если муж ушел.

Плохая мать, если ребенок ведет себя неправильно.

А в чем я была плохая?

Я создавала уют в доме. Я старалась для них. Я занималась с Василисой, возила на тренировки, была так же увлечена процессом: и коньки вместе с ней выбирала, и первые костюмы сама шила, а потом находила профессионалов, обсуждала с ними детали, прически на соревнования ей делала!

И при этом у меня был второй ребенок, который тоже требовал внимания!

И работа!

Работа тоже сложная, творческая во многом.

Но, конечно, во всем была виновата я.

А не муж, который решил, что он заскучал и ему хочется чего-то нового.

Не распушенная малолетка, которая считает, что можно взять и залезть на чужого мужика.

И не дочь... Дочь, у которой в ее тринадцать лет уже, наверное, должен был быть мозг...

Ладно, дочь я не винила. Я старалась понять.

И я реально постоянно думала о том, где я совершила ошибку, когда, как?

Но в какой-то момент сама себе сказала — хватит.

Вот просто хватит и всё!

Жизнь продолжается.

Жизнь не останавливается на моменте предательства.

Ты либо живешь дальше, либо ломаешься и варишься в этом клубке обид и упреков.

Я выбрала жизнь. И я жила.

В день выписки Артём приехал.

Я видела.

Специально попросила выпустить меня и сына через служебный вход.

Лера всё это время была у мамы, к маме мы и поехали.

Артём звонил. Приехал.

— Я хочу увидеть сына.

— Это не твой сын.

— В смысле? — Надо было видеть его лицо.

— Это мой сын. Твоего тебе пусть твоя фигуристка рожа-ет.

— Снежана, пожалуйста...

Мать меня ругала.

— Ой, дурочка, что ж ты делаешь? Он же отец!

— Отец тот, кто хочет ребенка, а не вот это...

— Он хотел.

— Мама, пожалуйста! Можно я сама разберусь?

Он караулил нас, когда мы гуляли.

Приезжал к Лере. Всё-таки увидел Игорька...

Я видела, как он смахивал слезу.

Мне так хотелось сказать — ну что, стоило оно того? Стоила вот эта малолетняя дрянь твоей семьи, твоих детей?

Вероятно, стоила, потому что через месяц Артём мне сказал, что едет в Москву.

Мне казалось, я снова умираю.

Опять эта боль.

Мама тогда жила с нами. Капала мне на мозги, говорила, что надо попытаться, надо простить, что Артём явно один и ничего уже у него с тренершей нет.

И мы... однажды мы даже совсем спокойно погуляли вместе — я, сын, Лера и... бывший муж. Совсем как раньше.

Я уже почти приняла отъезд Василисы. Артём показывал видео с тренировок, которые она присылала. Четверные прыжки, вращения, элементы новой программы.

Я понимала, как всё это для нее важно.

И вот...

— Я еду в Москву.

— К Василисе или по работе?

— Я переезжаю. Открываю там филиал фирмы. Квартину пока снял, рядом с катком, чтобы Ваське было удобно.

— Ваське? Или... твоей Аделине?

— Снеж, она не моя, у меня с ней ничего не было и нет.

То, что ты видела...

— Не важно. Ты не должен оправдываться, Артём. Ты мне никто.

— Я... я твой муж.

— Бывший.

— Я отец твоих детей.

— Ну, для одного ребенка ты уже нашел... новую маму. Значит, я могу найти нового отца для других.

— Что ты сказала?

Он оскорбился! Обиделся.

А мне... мне было всё равно.

Я устала от боли.

Устала доказывать, что не виновата.

С Василисой мы почти не общались.

Артём приезжал. Сначала часто.

Пытался как-то наладить общение. Но я физически не могла с ним разговаривать. Просто давала коляску с сыном, готовила Леру к прогулке, и всё.

Последние три месяца он не приезжал.

Говорил, что очень много работы и Василисе нужна поддержка.

И теперь он хочет, чтобы сын его узнал!

— Так что, мы сразу в больницу? Или как?

— Поедем ко мне. Вам нужно разместиться, отдохнуть.

Сегодня в больницу уже поздно.

— В смысле к тебе? Я не собираюсь с детьми жить у тебя

и твоей...

— Мы с Василисой живем вдвоем.

— Мне плевать. Мне нужен номер в гостинице, желательно рядом с клиникой. Если ты не можешь обеспечить, я сама бронирую. И в больницу я хочу поехать сейчас. Еще есть время.

— Снежана...

— Адрес клиники, Артём.

Он вздыхает.

— Хорошо, поехали.

Не знаю, сколько мы едем, кажется, по столичным меркам — не так много. Прилетели мы в Шереметьево, это, кажется, север.

Игорь в машине ведет себя спокойно. Я даю ему грудь, потом докармливаю пюре из баночки, хорошо, что она в специальном подогреваемом термосе. Он сыт, крутит головой, что-то болтает на своем. Лера тоже сидит в кресле, она как-то притихла, может, на нее повлияла моя ссора с Артёмом. Надо стараться при ней быть спокойнее. И адекватнее.

Правда, слово “адекватно” я забываю, когда в клинике у палаты Василисы вижу ее.

Аделину.

— Неужели мамочка соизволила приехать к дочери?

Игнорирую ее, делая шаг к палате, но ее слова заставляют меня замереть.

— Это ты виновата в том, что Василиса сломалась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.